

Выйдя из полицейского участка после дачи показаний, Цзянь Сэнь чувствовал себя невероятно легко.

Набить морду подонку, а потом еще и сдать его полиции — такой захватывающий сюжет просто обязан стать сказкой на ночь для сына. Нужно же учить ребенка быть порядочным человеком, а не каким-нибудь никчемным мерзавцем, которого потом будут так унижать.

Гу И, расплатившись за штраф, вышел следом и, завидев Цзянь Сэня у ворот, замер на месте.

— Брат Сэнь, нам нужно поговорить.

Цзянь Сэнь обернулся и без колебаний отрезал:

— Не о чем.

Раз уж расстались, то о чем теперь говорить? Оба — взрослые люди, а не дети в песочнице, и Цзянь Сэнь прекрасно знал, чего хочет. Он надеялся лишь на то, что сын вырастет здоровым и счастливым, а Гу И никогда не узнает о его существовании.

Тогда он сможет со спокойной душой пуститься во все тяжкие и искать свою вторую половинку.

Как когда-то сказал сам Гу И, незачем вешаться на одном дереве. Вот он и решил: дерево ему больше не нужно, пора превращаться в бесчувственного ловеласа... тьфу, то есть в заботливого отца.

К тому же, Гу И — не единственный мужчина на планете. Вокруг полно достойных, и Цзянь Сэнь отказывался верить, что его вкус настолько специфичен, что свет клином сошелся именно на Гу И.

Отказ отозвался в груди Гу И тяжелым комом, от которого стало трудно дышать.

— Ты меня ненавидишь? — спросил он.

Цзянь Сэнь ответил мгновенно:

— Нет.

Цзянь Сэнь считал себя злопамятным, но если говорить о ненависти — он никогда никого по-настоящему не ненавидел. Даже тот подонок Гу Яньхэ вызывал у него в лучшем случае отвращение и брезгливость.

Что же касается Гу И...

Он окинул мужчину взглядом: упругие ягодицы, статная фигура, смазливое лицо. В повседневной жизни — милый щеночек, а наденет костюм — вылитый волк в овечьей шкуре.

Люди — существа чувственные, и сказать, что такой красавец его не цепляет, было бы ложью.

Цзянь Сэнь любил Гу И.

Да, именно так — любил.

А где любовь, там и ненависть, а кроме ненависти — чувство несправедливости.

Сказать, что любовь порождает ненависть — слишком жалко. Цзянь Сэнь не считал себя жалким, поэтому решил, что им движет именно чувство несправедливости.

Несправедливость из-за недоверия Гу И, из-за того, что тот бросил его в чужой стране, из-за того, как он когда-то с ним обращался.

Даже сегодняшний разгром Гу И был продиктован этой самой несправедливостью.

Телефон в кармане куртки завибрировал. Цзянь Сэнь достал его, увидел, что звонит няня, и, проигнорировав Гу И, отошел в сторону.

— Господин, маленький господин снова температурит, плачет и зовет вас.

Голос няни дрожал от тревоги, а на заднем плане слышались тихие всхлипы.

Цзянь Сэнь напрягся и попросил включить громкую связь:

— Зай-зай, это папа.

В ответ слышались лишь детские всхлипы.

— Малыш, папа скоро будет дома, — мягко проговорил он, направляясь к дороге, чтобы поймать машину.

После вызова полиции он приехал на патрульной машине, а его собственная осталась у офиса, так что добираться домой пришлось на такси.

— Папа... у-у-у...

У Зай-зая была астма, и Цзянь Сэнь, боясь, что ребенок зайдет в плаче до кислородного голодания, принялся его отвлекать:

— Зай-зай, давай папа покажет тебе фокус? Попроси няню умыть тебя, улыбнись, и папа тут же появится.

Зай-зай рыдал так, что не мог вдохнуть:

— Я... у-у-у... хочу папу...

— Хорошо, умойся сначала.

Цзянь Сэнь пытался его успокоить. Увидев подъезжающую машину, он открыл дверцу, но путь ему преградили.

Гу И схватился за дверь:

— С кем ты разговариваешь?

Почему с другими он может быть таким нежным, а с ним — сплошная агрессия?

Две крайности.

На сердце у Гу И было горько, он крепко держал Цзянь Сэня за руку, не желая отпускать.

Цзянь Сэню нужно было срочно домой к сыну, и времени на препирательства не было. Он нахмурился:

— Убери руки.

Гу И не сдвинулся с места:

— У тебя кто-то появился?

Поэтому он так жесток к нему? Поэтому сдал в полицию?

От этой мысли он дернул Цзянь Сэня за руку, вытаскивая из машины.

Цзянь Сэнь, который только успел назвать адрес, пришел в ярость:

— Ты охренел?!

Гу И крепче сжал его запястье, недовольно нахмурившись:

— Ты изменился. Раньше ты так со мной не поступал.

Сам виноват, да еще и обвиняет других! Цзянь Сэню хотелось проломить ему череп, чтобы посмотреть, что там вообще творится.

В ушах снова раздался плач сына — ребенок явно задыхался. Голос няни сорвался на крик:

— Господин, Зай-зай не может дышать...

Лицо Цзянь Сэня изменилось в один миг. Он оттолкнул Гу И и втиснулся в машину, но тот успел ухватиться за дверь. Цзянь Сэнь заблокировал вход, и Гу И остался стоять на улице.

Таксист, опасаясь задержки, начал ругаться:

— Вы едете или нет? Если нет, выходите, не мешайте мне зарабатывать!

Гу И шагнул в салон, но Цзянь Сэнь вытолкнул его обратно:

— Не заставляй меня применять силу.

— Можешь попробовать, — небрежно бросил Гу И, властно оттолкнул Цзянь Сэня на другое сиденье, захлопнул дверь и велел водителю ехать.

Таксист, ворча, вдавил педаль газа.

— Чего ты добиваешься?

Цзянь Сэнь не мог понять: они встретились, он его избил, неужели у Гу И мазохистские наклонности? Или он не боится, что в порыве ярости Цзянь Сэнь сделает его инвалидом?

Гу И повторил:

— Я хочу тебя.

Цзянь Сэнь: «...»

— Брат Сэнь, я знаю, что ты злишься на меня за то, что я бросил тебя тогда.

Пейзаж за окном мелькал, но Гу И смотрел только на Цзянь Сэня:

— Я знаю, что ты меня не простишь. Я не хочу оправдываться, но теперь я осознал свою ошибку и у меня достаточно сил, чтобы нести ответственность. Дай мне шанс исправиться?

Шансы даются подготовленным людям, а Цзянь Сэнь не был готов прощать Гу И.

Честно говоря, он с самого начала не планировал снова видеть Гу И, поэтому никакой подготовки к примирению не было и в помине.

— Я тебя не прощу, — Цзянь Сэнь подпер лицо рукой, глядя в окно. Пейзаж тот же, но все уже давно изменилось. — Мы закончили.

Люди растут. Цзянь Сэнь верил, что Гу И стал сильнее, но какое ему до этого дело?

Что Гу И, что он сам — всё закончилось три года назад.

Гу И долго смотрел на него, чувствуя, как внутри разливается боль:

— Брат Сэнь, я правда тебя люблю.

Именно из-за любви он запаниковал, когда Гу Яньхэ начал угрожать. Из-за любви он хотел, чтобы Цзянь Сэня больше никто не обидел. И именно из-за любви всё, что касалось Цзянь Сэня, было для него важнее собственной жизни.

Гу И глубоко раскаивался: будь он тогда хоть немного сильнее и решительнее, коварный план Гу Яньхэ не сработал бы.

040 Доброта не всегда вознаграждается

Однако время вспять не повернуть, было уже поздно.

Слушая признание Гу И, Цзянь Сэнь оставался спокоен, как вода в пруду.

Если бы Гу И признался ему в любви три года назад в Нью-Йорке, он, возможно, бросился бы ему на шею.

Но сейчас не то время. Он уже не тот Цзянь Сэнь, а Гу И — не тот Гу И.

Плач сына раздавался в ушах, и Цзянь Сэнь, делая вид, что не слышит Гу И, сказал няне:

— Тетушка Линь, присмотрите за ним пока.

Зай-зай рос болезненным: мало того что унаследовал его порок сердца, так еще в два месяца обнаружилась астма. Стоило ребенку сильно расплакаться, как начиналось кислородное голодание, что было смертельно опасно.

— Я скоро буду, — Цзянь Сэнь не осмелился назвать себя папой перед Гу И — он не хотел, чтобы тот узнал о существовании сына.

Зай-зай всхлипнул:

— Па... папа...

— Умница, слушайся.

Цзянь Сэнь поспешно повесил трубку, не решаясь больше ничего сказать.

Гу И, видя, что его игнорируют, почувствовал, как внутри нарастает боль. Он отвернулся к окну и замолчал.

Когда такси остановилось у ворот элитного поселка, Цзянь Сэнь, словно Гу И был пустотой, расплатился и пошел внутрь. Гу И поджал губы и ускорил шаг, следуя за ним.

Цзянь Сэнь не обращал внимания, приложил пропуск к сканеру и вошел.

Охрана здесь была строгой: без регистрации и подтверждения от владельца войти было нельзя.

Как и ожидалось, Цзянь Сэнь вошел, а Гу И остался стоять у ворот.

— Господин, визиты нужно регистрировать.

Гу И указал на Цзянь Сэня:

— Я с тем господином.

— Я его не знаю.

Цзянь Сэнь отрезал это, не оборачиваясь.

Охранник, приняв Гу И за подозрительного типа, начал сверлить его взглядом, боясь, что тот устроит неприятности.

Гу И смутился и, глядя в спину Цзянь Сэню, вздохнул.

Почему он раньше не знал, что Цзянь Сэня так трудно вернуть?

Три года назад стоило ему прильнуть и поластиться, как сердце Цзянь Сэня оттаивало, а теперь — ни в какую не хочет даже видеть его.

...

Когда Цзянь Сэнь вошел в дом, на полу валялись подушки. Зай-зай сидел на ковре, дрыгая

ногами и заливаясь слезами, лицо его распухло, а шея покраснела. Две няни пытались его успокоить.

Увидев папу, Зай-зай оттолкнул няню и, всхлипывая, заковылял к Цзянь Сэню, вцепившись в его брюки и вытирая слезы об одежду.

— Па... папа... у-у-у... хочу папу...

Сердце Цзянь Сэня сжалось. Он присел, вытирая слезы сына:

— Папа вернулся. Тише, Зай-зай, не плачь, а то некрасивым будешь.

— Не надо, не надо... папа, не бросай меня... — всхлипывал ребенок, вжавшись лицом в ногу отца. — Зай... ик... Зай-зай хороший... папа, не бросай... у-у-у...

Малыш плакал до икоты, и это зрелище разрывало сердце.

Цзянь Сэнь поднял его на руки. Тело сына было горячим, как печка. Он нахмурился и спросил няню:

— Когда поднялась температура? Утром же всё было хорошо.

Няни переглянулись. Тетушка Линь, которая звонила ему, ответила:

— Вскоре после того, как вы ушли, я отправилась за продуктами. Вернувшись, обнаружила, что Зай-зай промок насквозь.

Цзянь Сэнь перевел взгляд на вторую няню:

— Как это вышло?

Вторая няня, молодая девушка по имени Фан Яо, которую он нанял недавно, опустила голову:

— Господин, я не знала, что маленький господин пойдет к бассейну...

Голос ее дрожал, а лицо Цзянь Сэня становилось всё мрачнее:

— Что именно произошло?

Фан Яо разрыдалась:

— Господин, я не знала, что он упадет! Я просто на секунду отвернулась... Я правда не хотела, я...

— Довольно!

В доме был большой бассейн, воду в котором меняли почти каждый день. Зай-зай никогда не играл там один.

Цзянь Сэнь, слушая оправдания, едва не задохнулся от гнева:

— С сегодняшнего дня ты здесь не работаешь.

Фан Яо побледнела, словно ее поразила молния.

Она была влюблена в Цзянь Сэня еще со студенческих времен, но безуспешно. Случайно встретив его спустя годы, она обнаружила, что он ее не помнит, зато завел сына — внебрачного, от неизвестной женщины.

Фан Яо считала, что раз он не женат, у нее есть шанс. Поэтому она унижалась, покупая документы, чтобы устроиться няней в дом Цзянь Сэня. Как она могла позволить какому-то незаконнорожденному ребенку всё испортить?

Она рухнула на колени, хватаясь за брюки Цзянь Сэня:

— Господин, я не могу потерять эту работу, умоляю... я правда не знала, что он пойдет к бассейну...

Цзянь Сэнь нахмурился. Он терпеть не мог таких людей: работу не сделала, зато оправдания ищет, вместо того чтобы признать вину.

Не успел он сказать что-то более резкое, как Зай-зай чихнул, растирая нос:

— Папа... больно...

Цзянь Сэнь решил, что сыну просто попала вода в нос. Он усадил его на диван, игнорируя Фан Яо, и принялся осторожно растирать носик:

— Еще болит? Очень неприятно?

Фан Яо, видя, что он не обращает на нее внимания, а возится с этим внебрачным ребенком, почувствовала, как в сердце закипает злоба.

— Господин, пора в больницу, — напомнила Тетушка Линь.

Цзянь Сэнь от тревоги потерял голову, и только после слов няни вспомнил о температуре. Он подхватил сына на руки и, увидев, что Фан Яо всё еще стоит там, недовольно бросил:

— Ты чего еще здесь стоишь?

— Господин, я не могу уйти... я единственная кормилица в семье, умоляю вас...

Глаза Фан Яо покраснели, она заливалась слезами.

Цзянь Сэню было не до нее — нужно было везти ребенка в больницу. Он велел Тетушке Линь остаться прибраться, а сам вышел с сыном на улицу.

И тут он вспомнил, что Гу И оставался у ворот.

Но быстро отмахнулся от этой мысли: пока он шел от ворот до дома, пока возился с ребенком — Гу И наверняка уже уехал.

Цзянь Сэнь выдохнул. Он натянул на сына капюшон — большой, почти полностью закрывающий лицо.

— Зай-зай, папа везет тебя в больницу.

Он потрогал спину сына: Тетушка Линь успела наклеить пластырь от температуры, жар немного спал.

Зай-зай уткнулся ему в шею:

— Не надо уколы...

Цзянь Сэнь знал, как сын боится врачей:

— Если не будем делать уколы, тебе будет плохо.

— Не надо, у-у-у... — Зай-зай снова готов был заплакать.

— Хорошо-хорошо, никаких уколов.

Так как Тетушка Линь осталась дома, Цзянь Сэню пришлось идти ловить такси с ребенком на руках.

Едва они вышли из поселка, как неподалеку раздался голос Гу И.

041 Паршивые родственные связи

— Брат Сэнь? — голос Гу И слегка дрожал от изумления.

Цзянь Сэнь не ожидал его увидеть. Сердце ухнуло вниз, он инстинктивно натянул капюшон на лицо сына.

Зай-зай, которому край капюшона ткнул в глаз, дернулся, и тот сполз, открыв лицо, как две капли воды похожее на Цзянь Сэня. Ребенку было около двух лет, он выглядел невероятно мило.

— Папа...

Гу И смотрел на ребенка в руках Цзянь Сэня, не в силах оправиться от шока.

Цзянь Сэнь не хотел ничего объяснять, поспешно поправил капюшон и, суется, направился к дороге.

Гу И среагировал раньше, чем успел подумать. Когда Цзянь Сэнь поравнялся с ним, он схватил его за запястье.

Этот человек вообще ест?

Еще на собеседовании он заметил: три года назад Цзянь Сэнь был худым, но выглядел здоровым, а сейчас запястье — одни кости.

Цзянь Сэнь, не имея возможности вырваться из-за ребенка на руках, холодно сказал:

— Убери руки.

— Брат Сэнь, ты... — Гу И смотрел на ребенка, не зная, как подобрать слова. Он был настолько потрясен, что не мог вымолвить ни слова.

Он был уверен: это его ребенок.

Это осознание вызывало одновременно восторг и растерянность.

Гу И никогда не думал, что Цзянь Сэнь оставит ребенка.

В его памяти Цзянь Сэнь был гордым, временами высокомерным человеком, который ни за что не стал бы рожать от него.

Но сейчас ребенок был здесь, перед ним, — с его чертами лица и глазами Цзянь Сэня.

Цзянь Сэнь паниковал. Он не хотел, чтобы сын узнал о существовании второго папы, и не хотел, чтобы Гу И что-то себе надумал:

— Отпусти, у меня нет времени на пустую болтовню.

Гу И не отпустил, наоборот — сжал крепче.

Цзянь Сэнь нахмурился:

— Я не хочу с тобой связываться, но если с ребенком что-то случится из-за тебя, я тебя не прощу.

Гу И чувствовал себя сложно:

— Брат Сэнь, он и моя ответственность тоже.

Цзянь Сэнь тут же возразил:

— Он к тебе не имеет никакого отношения!

Гу И не поверил. Он потащил Цзянь Сэня к машине, которую подогнал водитель, и силой усадил их в салон.

— Это незаконное удержание! — Цзянь Сэнь прижимал к себе сына, гневно глядя на него.

Гу И проигнорировал его слова и протянул руку, чтобы снять капюшон с Зай-зая.

Малыш, не понимая, что происходит, смотрел на него огромными влажными глазами — в них читался страх перед незнакомцем.

Он был так похож на Цзянь Сэня, но в нем не было той гордости.

Гу И почувствовал укол сожаления, а сердце предательски смягчилось.

Он потянулся к ребенку, но Цзянь Сэнь развернулся, не давая прикоснуться:

— Гу И, не заставляй меня идти на крайние меры.

Отношения и так были испорчены. Гу И не обратил внимания, пристегнул ребенка ремнем и нажал на газ.

Машина рванула с места, Зай-зай испугался и заплакал:

— Папа, страшно... — при Гу И он не решался плакать громко, вжался в грудь Цзянь Сэня, сжимая его одежду. — Хочу домой... у-у-у...

— Тише, всё хорошо, папа здесь.

Цзянь Сэнь прижал сына к себе, похлопывая по спине. В груди у него горел огонь — хотелось стереть Гу И в порошок.

Гу И сбавил скорость и бросил на них взгляд:

— Брат Сэнь, в какую больницу?

Увидев пластырь на лбу ребенка и пакеты с вещами, он догадался, куда они направляются.

Даже если Цзянь Сэнь хотел его избить, здоровье сына было важнее. Он решил пока не сводить счеты, назвал адрес детской больницы и замолчал.

Гу И криво усмехнулся: наконец-то он познал вкус того, каково это — быть отвергнутым.

По прибытии Цзянь Сэнь вышел из машины с ребенком. Стоило ему потянуться за бутылочкой, как Гу И перехватил ее:

— В больнице много народу, неси ребенка.

Бесплатная рабочая сила — грех не воспользоваться.

<http://bllate.org/book/20421/2039817>